

УДК 821.112.2

КОМПОЗИЦИОННО-ЖАНРОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»

Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ

(Полоцкий государственный университет)

«Песнь о нибелунгах» – это наиболее изучаемая, но так и не изученная до конца поэма германского героического эпоса. Сложность «Песни» заключается в синтезе нескольких пластов; куртуазный период миннезанга, бурные события эпохи «переселения народов», мифические сказания о героях определяют ее композиционно-жанровую характеристику. В современной медиэвистике ограничение сферы изучения «Песни о нибелунгах» рамками анализа произведения на уровне содержания во многом исчерпало себя. Целесообразно рассмотреть взаимодействие обеих частей «Песни о нибелунгах» (ее композиционно-жанровую структуру) не как статическое соотношение (соединение частей), но с точки зрения динамики, опираясь на выделение ведущего образа в поэме.

Введение. Эпическая поэма представляет собой один из древнейших жанров эпоса; однако свое наибольшее распространение героические песни получили в период развитого Средневековья, когда акцент был сделан на «изысканных» добродетелях сдержанности и утонченности вкуса и поведения. Легенды, которые слагались о героях, были далеки от злободневности. Героическое прошлое нередко идеализировалось. Однако «Песнь о нибелунгах» – памятник героической литературы Тевтонских (прагерманских) народов во время их «великого переселения». Композиция «Песни о нибелунгах» удивительным образом сочетает в себе элементы рыцарского романа и, несомненно, исконно германского героического эпоса. В «Песнь» также привнесены особый таинственно-загадочный колорит в виде мифического, отголоски которого можно найти в песнях «Старшей Эдды». Так, совокупность черт героического, куртуазного и мифического является композиционно-жанровой характеристикой «Песни».

Под «композицией» обычно понимают «членение и взаимосвязь разнородных элементов или, иначе, компонентов литературного произведения» [4, стб. 694]. По мнению В.В. Тимохина, занимающегося исследованиями по средневековому героическому эпосу, «для восприятия и понимания содержания произведения композиционные его части должны быть четко видны, выделены» [10, с. 56]. В этом отношении «Песнь о нибелунгах» является идеальным материалом, поскольку поэма структурирована в авантюры из пронумерованных строф. Однако взятые в отдельности авантюры вряд ли свидетельствуют о содержании всей поэмы.

Поэтому для исследования композиционного строя единого произведения (в данном случае речь идет о «Нибелунгах») необходимо соблюдение двух принципов. С одной стороны, «часть произведения, составляющая самостоятельный композиционный элемент, должна быть целостной и отделиться от остального повествования» [10, с. 56]. Элементом композиции, или компонентом, является такой «отрезок» произведения, в пределах которого сохраняется одна определенная форма, точнее, один способ, или «курс» литературного изображения [4, стб. 694], в эпосе – это одна сцена, или авантюра. С другой стороны, «желательно, чтобы и части произведения были связаны между собой и все повествование представляло бы некое единство» [10, с. 56]. Только тогда исследование «внутренней композиции» «Песни» кажется целесообразным, если изучить смысловое содержание ее составных частей как «единство, пронизанное многосторонними связями компонентов» [4, стб. 694]. Под более объемными элементами эпической поэмы следует понимать смысловые части «Песни».

Основная часть. Согласно эдическим источникам, «Песнь о нибелунгах» считается эпической поэмой, которая распадается на две части, в основе которых лежат два сказания с самостоятельными сюжетами: сказание о Брюнхильде (сватовство Гунтера и смерть Зигфрида); сказание о бургундах (гибель Гунтера и его братьев в стране Аттилы). Эти части, как показывает «Эдда», первоначально были двумя самостоятельными песнями, и развитие каждой из них шло своими особыми путями. Благодаря заслуге некоего шпильмана эпохи Средневековья «Песнь» стала представлять собой эпическое единство с единой композиционно-жанровой структурой.

Сквозь призму внешнего построения обширной (39 авантур) героической поэмы «Песни о нибелунгах» наглядно прослеживается ее архитектура. Так, поэма состоит из приблизительно равных частей. Первые девятнадцать авантур представляют собой содержание первой части, в которой повествуется о предательском убийстве Зигфрида, часть вторая включила в себя следующие двадцать авантур о гибели бургундов.

Внешний строй поэмы образуют более двух тысяч строф, которые пронумерованы и сгруппированы в авантюры (главы), каждая имеет название (кроме первой), вкратце передающее ее содержание (например, авантюра XXIX «О том, как Кримхильда препиралась с Хагеном, а он не встал перед нею») [8, с. 354]. Од-

нако такой пересказ содержания авентюр не отражает проблематики поэмы, если исходить из чистого группирования ее подзаголовков для представления общей картины «Песни». Анализ их названий лишь поверхностно позволяет судить о взаимосвязи обеих частей. Несомненно, судьбы главных героев переплетены и являются одной историей, которая начинается сватовством Гунтера и заканчивается убийством Кримхильды. Поэтому историю нибелунгов можно представить следующим образом: прибытие Зигфрида в Вормский двор для сватовства к Кримхильде; добывание Зигфридом невесты Гунтеру взамен на женитьбу на его сестре; пышная свадьба двух королевичей; ссора королей и раскрытие обмана; убийство Зигфрида и последующая месть вдовы; гибель бургундов завершает «о нибелунгах сказ».

Поиску причины гибели бургундов посвящены многочисленные исследования В.И. Шредера, Фр. Панцера, А. Хойслера и других медиевистов. Но нас не интересует причина трагических событий, очевидно одно: события в «Нибелунгах» предвещают катастрофу, и в итоге бургунды погибают¹. Красной нитью через всю «Песнь о нибелунгах» проходит мысль о грядущей трагедии, «Песнь» просто изобилует предостережениями о «страшном» будущем. Данная черта вместе с возвратами к прошлому характеризует поэму как героический эпос. По мнению И.Л. Лапина, она [песнь] больше наполнена не героическим, а трагическим колоритом [5, с. 49]. Под внешней оболочкой обеих частей поэмы скрыт трагический смысл: «автор» сводит воедино не только самих героев Кримхильду и Зигфрида, но и судьбы Бургундии и Нидерландов, где очевидной становится трагическая развязка событий: гибель королевичей и их королевств.

Причина включения трагического в поэму носит как объективный, так и субъективный характер. Как известно, поэма была создана безызвестным автором на основе древних сказаний о Брюнхильде и о бургундах. На юго-востоке, где он жил, не было французских книг, содержащих рыцарские романы, там не знали и французского языка, зато героические предания были в большем почете, чем на Рейне, ибо духовная жизнь в Австрии была теснее связана с местными корнями, а рыцарство было ближе к народу, чем на Западе. К этому, конечно, не мог не присоединиться и личный момент – интерес этого большого поэта к героическому сказанию. Сокровенная струна этого сказания – трагический героизм – нашла в его душе отклик...» [12, с. 125]. Почти в каждой авентюре «Песни» автор предвещает трагедию: «Viele Helden raffte künftig drum der Tod dahin!» «Пришлось расстаться с жизнью потом бойцам из-за того» (328, 4); «Sie fanden jammervoll den Tod durch zweier edler Frauen Streit». «Но их потом печально сгубил двух знатных жен раздор» (6, 4); «Von ihr sollt ihm viel Freude und auch viel Schweres noch geschehn». «Из-за кого так много утех и бед потом узнал» (44, 4); «Ach, ihnen allen kehrte die Freude sich in bitteres Leid». «Но все они там горе потом великое узнали» (779, 4) [8] и мн. др. (курсив мой – Е. Л.). Кроме того, по вполне независимым от них причинам, над нибелунгами нависло проклятье клада, обладатели которого обрекались на погибель, независимо от того, кто владеет золотом нибелунгов и где он находится.

Организация времени-пространства также имеет большое значение в определении композиционно-жанровой характеристики «Песни». «Большая» эпическая поэма «Песнь о нибелунгах» – эпос с линейным дискурсом (в случае переключения внимания автора на второй план развитие событий на первом приостанавливается). Единство времени и места соблюдается локально (иными словами, можно выделить несколько ключевых точек, в которых происходит собственно перформанс (от фр. performance, «действие»); путешествия, переезды и прочее выполняют функции прокладок, которые могут быть донесены до зрителя второстепенными персонажами) [7]. География романа обширна: Исландия, Скандинавия, Нидерланды, прирейнская Германия, Австрия. При описании сватовства Гунтера к Брюнхильде в Исландии о событиях в Вормском дворе умалчивается. А с выведением из действия образа Брюнхильды, Исландия (ее родина) вообще не упоминается в поэме. Вследствие этой локальности, несмотря на то, что события «Нибелунгов» охватывают временной промежуток свыше сорока лет – герои поэмы (главные и второстепенные персонажи) не стареют.

Непосредственное внимание в композиции «Песни» следует уделить очередности персонажей. «Важнейший аспект композиции – последовательность введения изображаемого в текст, что способствует развертыванию художественного содержания» [11, стб. 387]. Особой представляется в поэме I авентюра «Кримхильда»: ее название кратко и лаконично, в отличие от последующих авентюр (сравним, например, с авентюрой XV «О том, как Зигфрид был предан»). Несмотря на то, что в «Песни о нибелунгах» прославляются подвиги великолепных героев, «Песнь» начинается со строфы-пролога, воспевающего прекрасную Кримхильду. По всей вероятности, автор заведомо использует этот прием, поскольку произведения героического эпоса исполнялись не только для народной публики, но и при дворах [2, с. 60]. Главной идеей культуры немецкого придворного рыцарства была идея куртуазной любви [2, с. 42], воспевание прекрасной дамы отвечало вкусам тогдашней публики. Восхищение шпильманом чудесной красотой Кримхильды в начале песни гарантировало, безусловно, успех всему произведению в придворном окружении.

¹ Было «доказано существование двух различных версий гибели бургундов: древняя версия, согласно которой Этцель заманивает королей к себе во дворец, чтобы заполучить золото; и более современная версия, по которой Кримхильда приглашает братьев для отмщения за смерть Зигфрида» [14, S. 39].

В авентюру I постепенно вводятся образы братьев Кримхильды, а при упоминании ее родителей, также используется этот принцип: сначала мать, затем отец. Возможно, так «автор» пытается подчеркнуть женское начало. Ведь Кримхильда была так же прекрасна, как и ее мать (это уже больше, чем просто случайность), и слава о ее красоте распространялась по всей земле. Из-за нее Зигфрид пренебрегает предостережениями родителей и отправляется завоевывать невиданную красавицу. Подвигам Зигфрида посвящен десяток последующих авентюр.

По мнению Е.М. Мелетинского и других исследователей, «Песнь о нибелунгах» относится к образу классического эпоса. «Сказочно-мифологические мотивы оттесняются в классических эпосах на периферию» [6, с. 435], возможно, и поэтому «солнечный герой» Зигфрид не подходил для роли ведущего образа в «Нибелунгах». «У эпоса есть свои законы и требования. Поэтому, в сказаниях налицо «канонизированная» очередность передачи событий. «Сюжетно-композиционная линия эпоса основана на поступательном развертывании событий» [13, с. 40].

Несмотря на то, что архаические и современно-куртуазные деяния оказываются связанными одним персонажем – Зигфридом, для главной роли в поэме он не подходил; во-первых, потому, что увлечение жизнеописанием Зигфрида нарушило бы рамки использованного сказания о Брюнхильде², а также взаимосвязь всего произведения, и, во-вторых, композиция «Песни» должна была соответствовать задумке автора: подлое убийство супруга в первой части влечет за собой месть вдовы во второй части поэмы. Зигфрид выполнил свою функцию еще в середине «Песни о нибелунгах». Только два действующих лица можно было рассматривать как героев, проходящих через всю песню: Кримхильду и Хагена. Симпатии автора остались на стороне Кримхильды, поскольку и в «Песни о Брюнхильде», положенной в основу нашей поэмы ее рассказ о сне начинал песню, а ее скорбь и обвинения завершали ее, и сказание о гибели бургундов, как второй источник «Песни», также заканчивался наказанием Кримхильды. Стало быть, здесь уже «наличествовал этот явный признак единства нашего эпоса: то, что он начинается и кончается Кримхильдой» [12, с. 135].

Наш шпильман влюблен в свою собственную героиню; только Зигфрид великолепный еще достоин ее. Однако образ Кримхильды таков лишь до ссоры с Брюнхильдой, после этого ее образ становится более земным и противоречивым. Несмотря на это, автор настолько пристрастен к Кримхильде, что низводит образ ее соперницы девы-воительницы Брюнхильды ниже всех женских персонажей, поскольку «Брюнхильда, подлинное создание героического стиля, не могла пользоваться успехом в эпоху рыцарских дам» [12, с. 136]. Во второй же части Кримхильда, согласно песни о бургундах, должна была превратиться в антагониста героев, как только стала врагом своих братьев. Но автор «Песни о нибелунгах» несколько усилил значение ее образа в момент сватовства к ней Рюдигера от имени Этцеля; Кримхильда остается решающей фигурой вплоть до вероломного приглашения братьев в Этцельбург.

Кроме того, вкусы времени были склонны выдвинуть образ более человеческой, любящей и страдающей женщины. Смерть Зигфрида должна была найти отражение в душе страдающей женщины, это могла быть только Кримхильда. «Героический подвиг и его изображение немислимы без элемента возвышенного, высокого. Наличие этих черт и обеспечивает присущие средневековью, особенно эпосу, черты монументального стиля» [10, с. 34]. В героическом эпосе активизируется сближение человеческого и божественного. «Это сближение возвышало человеческое, портрет человека и изображение его деяний приобретали характер высокого, героического, идеального» [10, с. 34]. Такой и представляется автору Кримхильда, хотя авентюр, посвященных ей как таковой, в поэме мало.

Вообще, обзор авентюр обеих частей с точки зрения частотности употребления имен главных героев делает наглядной следующую картину. Так, в первой части, посвященной Зигфриду, в названиях авентюр не упоминается имени Кримхильды, а во второй части «Нибелунгов» Зигфрид как действующее лицо не фигурирует, а образ Брюнхильды вовсе выводится из действия; кроме того, после убийства Зигфрида Кримхильда в течение тринадцати лет вынашивает мысль о мести за смерть мужа; и вот одно убийство следует за другим («О том, как Гельфрат убит был Данквартом» (авентюра XXVI), «О том, как был убит Бледелин» (авентюра XXXII), «О том, как был убит Иринг» (авентюра XXXV), «О том, как убит был маркграф Рюдигер» (авентюра XXXVII), «О том, как бойцы господина Дитриха все были убиты» (авентюра XXXVIII) и, наконец, «О том, как Гунтер и Хаген были убиты Кримхильдой» (авентюра XXXIX)) [8]. Возможно, мотив убийства «автор» использовал для того, чтобы полностью исчерпать сюжет, охватывающий человеческую судьбу и приводящий к гибели всех главных действующих лиц. Однако такие героические личности, как Иринг, Бледелин, Рюдигер, и многие другие не являются главными (или сюжетообразующими) героями, они – второстепенные фигуры, легендарные имена которых вклю-

² Материал, который шпильман хотел привнести из сказания о юности Зигфрида, он мудро вложил в форме рассказа в уста многоопытного Хагена. Так ему удалось в сжатом виде передать слушателю историю о роговом Зигфриде [12, с. 135]. Не затронутым остается рассказ о любящих друг друга Брюнхильде и Зигфриде, который мог быть навеян событиями в истории франкской династии Меровингов.

чены в «Песнь о нибелунгах» как украшающие сказание эпизоды. Каждая такая сцена вносит напряженность и драматизм, но вовсе не является самостоятельным законченным сюжетом.

Кроме того, относительно частотности употребления имен героев, налицо следующий факт: в первой части «Песни о нибелунгах» упоминается намного меньше названных по имени действующих лиц, чем во второй части. Правда, в число эпизодов включены сюжеты, бедные действием.

По сравнению с «Нибелунгами», самая древняя героическая «Песнь о Хильдебранде» включает в себя весь сюжет, хотя его односценная композиция осваивает его частично с помощью реминисценций о прошлом [12, с. 304]. В связи с этим выделяют «малые» и «большие» эпические формы (различающихся не размером, а событийным охватом повествования – от одного-двух эпизодов до целого жизнеописания героя или даже двух поколений героев), причем произведение «малого» эпоса сплошь да рядом оказывается «одноходовым» (завершенный эпизод соответствует одному сюжетному «ходу» повествования) [7].

Автор «Песни о нибелунгах» сочинил большую эпическую поэму, хотя перед ним стояла сложная задача: изобразить куртуазную современность, при этом не изменяя собственным предпочтениям. Несмотря на несомненное влияние рыцарской культуры на героический эпос того времени, шпильман остался приверженцем композиции эпического жанра, используя «кюренбергову строфу», «отказавшись от кратких рифмованных двустиший, единственно признанных рыцарскими поэтами» [12, с. 126]. Поэма сложена не древним аллитерирующим стихом и не краткими двустишиями, а рифмующимися попарно строфами, что характерно для эпико-героического жанра. Поэт застал разные размеры, но выбрал, несомненно, более стройную и более разработанную нибелунгову строфу, отличающуюся длинными строками и строфическим строем. Стихотворный строй, композиция «Песни» «обогащает, а нередко и преобразует смысл изображаемого» [11, стб. 387]. Строфа создает повторяющиеся остановки и оказывает тем самым глубокое влияние на выразительность языка. «Остановка в конце строфы, усиленная полным конечным стихом, обладает во многих случаях сильным художественным воздействием; в частности, она отлично способствует рельефному окончанию речи. Однако в то же время поэту нередко приходится прибегать к всевозможным ухищрениям, чтобы заполнить четвертую строку, и поэтому некоторые из его зловещих восклицаний вызваны больше требованиями размера, чем внутренней необходимостью» [12, с. 130]. Нередко в четвертой строке автор использует повтор, который впоследствии становится одним из важнейших средств художественного построения эпоса. А сами «повторяющиеся этические правила», по мнению В.В. Тимохина, «наполняя произведения конкретными примерами их соблюдения, формируют в сознании читателя понятие нормы» [10, с. 29].

Возвращаясь к композиционно-жанровой характеристике «Песни о нибелунгах» с точки зрения выделения ведущего образа, следует упомянуть, что фигура Хагена появляется везде, где это не противоречило общей композиции «Нибелунгов». Можно привести несколько примеров, где Хаген фон Тронье представлен незаменимым персонажем. Он единственный, кто знает о подвигах молодого Зигфрида и поэтому сразу узнает нидерландского королевича, прибывшего в Вормс. Позже, именно Хаген отстаивает честь оскорбленной Брюнхильды и берет на себя убийство Зигфрида, слава которого угрожала затмить величие не только его господина Гунтера, но и славу всего бургундского королевства. Он добивается примирения Кримхильды с Гунтером и советует братьям присвоить золото нибелунгов, после чего потопляет его в водах Рейна. Только недоверчивый Хаген фон Тронье отговаривает бургундских королевичей ехать к сестре, но потом самолично переправляет их через реку. Кроме того, тайна местонахождения клада нибелунгов так и остается у Хагена, который не выдает ее, жертвуя жизнью господина и своей собственной.

Однако «Песнь о нибелунгах» – «книга о героях»; Хаген же и его образ вассала не дотягивал до главного героя поэмы, в то же время он был больше представителем древней, грубоватой старины, нежели куртуазно-рыцарского общества. По мнению В.И. Шрёдера, в «Песни» противопоставляется древность современности с точки зрения ее простоты и непринятия настоящего, которые в свою очередь, являются чуждыми для придворного окружения [14, S. 68]. Почти каждый герой «Нибелунгов» имеет у себя архаичные черты, «Зигфрид как герой древних времен и как придворный наследный принц, Брюнхильда как дева-воительница и придворная дама, Кримхильда как мстящая супруга и благородная барышня, первобытная ограниченность и простота и придворный этикет противопоставляются друг другу» [14, S. 68].

Однако образ Зигфрида больше всего контрастирует с носителями феодально-анархического начала (Хаген, Кримхильда, Брюнхильда). Он наделен чертами сказочного персонажа: богатырской силой («Auch siebenhundert Recken schlug er von Nibelungenland». «Да витязей Нибелунгских семь сот сразил боец лихой») (94, 4), безудержной отвагой («So große Macht und Stärke gewann kein Mann auf dieser Welt». «Никто силен так не был еще доселе из бойцов») (99, 4), необычайной ловкостью («Siegfried war hochgewachsen, kräftig und jung. // Den Stein warf er weiter und übersprang den Sprung». «Был Зигфрид смелый витязь, был росл он и силен: // метнул он камень дальше и дальше прыгнул он») (464, 1 – 2), волшебной неуязвимостью («Es schlug einen Lindwurm des Helden starke Hand. // Er badete in dem Blute; fest ist wie Horn er jetzt. // Man hat es oft erfahren, dass keine Waffe ihn verletzt». «Как смелый витязь змея сразил рукой своей. // В крови его купаюсь, стал Зигфрид роговым: // с тех пор не раз видали, что он в бою неуязвим») (100, 2-4). Ни один из его

подвигов не имеет основанием корысть. Воинская отвага, прямота характера, верность в дружбе и любви, великодушие к побежденным, свойственные Зигфриду, явились как бы воплощением народного идеала героической личности [3, с. 43]. Подвиг героя становится бесценным, когда герой отважно погибает. Автором «Песни» с целью соблюдения композиционно-жанрового единства поэмы «солнечный герой» выводится из действия еще в первой ее части, поскольку вторая часть должна была усилить отношение читателя к Зигфриду. Героическое несет в себе также и образ Кримхильды, главной героини «Песни», которая проходит через все произведение, и ее судьба соединяет обе его половины. Этот памятник мог бы с большим правом называться «Книга о Кримхильде», чем «Гибель нибелунгов», или «Песнь о нибелунгах». Однако данная поэма не является романом о Кримхильде. Кроме того, если бы наш художник действительно сделал Кримхильду главной героиней, это вряд ли бы пошло на пользу второй части.

Заключение. Композицию «Песни» во многом определило время ее возникновения. «Песнь о нибелунгах» была написана в период развития средневековой немецкой литературы. Так, «Нибелунги» – «героический эпос», «книга о героях», ибо она повествует о героической старине, в то же время «Песнь о нибелунгах» носит отпечаток куртуазного романа. Однако автор «Песни о нибелунгах» создал эпико-героический жанр с использованием типичной для него «кюренберговой строфы» (позже ее назовут «нибелунговой»), отказавшись от распространенных среди рыцарских поэтов кратких двестишней.

Так, композиционно-жанровую характеристику поэмы можно вывести из совокупности черт героического, куртуазного и мифического в «Нибелунгах». Данные черты прослеживаются во всей архитектонике поэмы, во взаимодействии авантюры ее обеих частей. Ведущая фигура всей поэмы, судьба которой объединяет обе половины «Песни», Кримхильда; ей посвящены начало и конец поэмы. «Песнь» охватывает жизнеописание Кримхильды и ее мужа Зигфрида, в силу чего ее композиционно-жанровой характеристикой является наличие черт «большой» эпической формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. История немецкой литературы: в 5 т. / Н.И. Балашов [и др.]; под общ. ред. Н.И. Балашова. – М.: АН СССР, 1962 – 1976. Т. 1: История немецкой литературы (IX – XVII вв.) / Г.В. Шатков [и др.]. – 470 с.
2. История немецкой литературы: в 3 т. / редкол.: А. Дмитриев (гл. ред.) [и др.]. – М.: Радуга, 1985 – 1986. – Т. 1: От истоков до 1789 г. / А. Дмитриев [и др.], 1985. – 350 с.
3. Ковалева, Т.В. Литература средних веков и Возрождения: учеб. пособие для вузов / Т.В. Ковалева, И.Л. Лапин, Н.А. Паньков; под ред. Я.Н. Засурского. – Минск: Университетское, 1998, – 238 с.: ил. – История зарубеж. лит.
4. Кожинов, В.В. Композиция / В.В. Кожинов // Краткая лит. энцикл.: в 9 т.; под ред. А.А. Суркова. – М.: Сов. энцикл., 1962 – 1978. – Т. 3. – 1966. – 976 стб.
5. Лапин, И.Л. Зарубежная литература. Античность. Средневековье и Возрождение. XVII – XVIII вв.: учеб.-метод. пособие / И.Л. Лапин, Н.В. Голубович; под ред. И.Л. Лапина. – Витебск: ВГУ им. Машерова, 2006. – 132 с.
6. Мелетинский, Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники / Е.М. Мелетинский; под ред. Е.М. Мелетинского. – 2-е изд., испр., – М.: Вост. лит., 2004. – 462 с.
7. Неклюдов, С.Ю. Типология и история в памятниках героического эпоса / С.Ю. Неклюдов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov18.htm>. – Дата доступа: 23.03.2008.
8. Песнь о нибелунгах с введением и примечаниями / пер. с средневерхненем. размером подлинника М.И. Кудряшев. – СПб.: Типография Н.А. Лебедева, 1889. – 440 с.
9. Тимохин, В.В. Поэтика средневекового героического эпоса (повтор, антитеза, тропы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01; 10.01.05; 10.01.09 / В.В. Тимохин; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2000. – 59 с.
10. Тимохин, В.В. Приемы композиции в средневековом героическом эпосе. Литература и фольклор / В.В. Тимохин. – М.: Науч. центр славяно-германских исследований, 1998. – 160 с.
11. Хализев, В.Е. Композиция / В.Е. Хализев // Литературная энцикл. терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН, 2001. – 1600 стб.
12. Хойслер, А. Германский героический эпос и сказание о нибелунгах / А. Хойслер. – М.: Иностран. лит., 1960. – 446 с.
13. Чистобаева, Н.С. Героический эпос хакасов: тематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Н.С. Чистобаева. – М., 2007. – 184 с.
14. Schröder, W.J. Das Nibelungenlied. Versuch einer Deutung / W.J. Schröder. – Halle (Saale): Veb Max Niemeyer Verlag, 1954. – 94 S.

Поступила 21.11.2008